

© 2010 г. Н.А. Токарева

ПРОБЛЕМА ГОЛОДА 1932-1933 ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Рассматривается период голода 1932-1933 гг. на Северном Кавказе. Голод 1932-1933 гг. на Северном Кавказе, как и во всей стране, был вызван политикой хлебозаготовок методами военного коммунизма. Однако на Северном Кавказе был выше уровень сопротивления сталинской политике хлебозаготовок и коллективизации. На Северном Кавказе репрессии были направлены не против отдельных крестьян, а против целых сел и станиц.

Ключевые слова: крестьяне, коллективизация, голод, кулаки, бедняки, середняки, хлебозаготовки.

Первое научное исследование голода на Северном Кавказе было осуществлено профессором Осколковым в монографии «Голод 1932-1933 гг. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 гг. в Северо-Кавказском крае [1]. Уже в заглавии работы прослеживается связь голода с хлебозаготовками. До января 1928 г. хлебозаготовки осуществлялись на принципах НЭПа, по рыночным ценам. Осуществление хлебозаготовок методами военного коммунизма стало основной причиной голода на Северном Кавказе. В.В. Кондрашин писал: «Применительно к изучению темы в российских регионах первооткрывателем можно считать замечательного ростовского историка Е.Н. Осколкова. На материалах местных архивов он первым дал всестороннюю характеристику ситуации на Дону и Кубани в 1932-1933 гг., показал насильственный характер хлебозаготовок и весь ужас наступившего в регионах голода» [2, с. 519]. В.В. Кондрашин отметил, что в условиях антикоммунистической истерии Е.Н. Осколков заострил внимание на массовых репрессиях в период хлебозаготовок в отношении рядовых коммунистов. Он указал на необходимость учета их в числе жертв голода 1932-1933 и сталинских репрессий [2]. Е.Н. Осколков обратил внимание, что партия в этот период не была едина. В 2002 г. В.В. Кондрашин совместно с американским профессором Д. Пеннер опубликовал монографию о голоде 1932-1933 гг. на материалах Поволжья, Дона и Кубани [3].

В контексте мировой истории голод на Северном Кавказе рассматривается в монографии В.В. Кондрашина «Голод 1932-1933: трагедия российской деревни». В монографии рассматривается вопрос об альтернативах сталинскому голоду. В центре исследования крестьянин и казак, его мысли и чувства [2]. Сопротивление сталинской политике 20-х начала 30-х гг. анализируется в монографии В.А. Бондарева «Современная модернизация послеоктябрьской деревни» [4]. Автор исследует формы борьбы крестьянства и казачества в 20-30-х гг., объясняет причины поражения крестьянского движения, выделяет основные этапы сопротивления. Целью данной работы является выявление специфики голода на Северном Кавказе. В 1930 г. был самый высокий урожай за все годы советской власти. В Северо-Кавказском крае при росте валового зерна от 49,3 миллионов центнеров в 1929 г. до 60,1 миллионов в 1930 г., то есть на 21,9%. Объем заготовок был увеличен от 10,7 миллионов центнеров до 22,9 миллионов центнеров, то есть на 107%. Товарность зерновых культур доведена с 21,9 до 38,1%, а по колхозам до 48,3% [1]. В этих условиях крестьяне теряли стимул к развитию производства. Урожай 1931 г. был ниже частично из-за плохого урожая, а главным образом из-за отсутствия у крестьянства стимула к росту урожая. И. Е. Зеленин анализирует справку СПО и ОГПУ «О ходе коллективизации и массовых выступлениях крестьянства в октябре-декабре 1931 г. – январе-марте 1932». Из документа следует, что продзатруднения или голод явился в этот период проблемой номер один во всех регионах страны. Крестьянство бежало от голода. Из колхозов, по данным справки, вышло более 250 тысяч хозяйств. В конце 1931 г. и весной 1932 г. на Украине и в Казахстане наступил массовый голод [5]. Вопрос о численности жертв голода является дискуссионным. Сельское население в 1923-1933 гг. сократилось в Казахстане на 30,9%, в Поволжье на 23%, на Украине на 20,5%, на Северном Кавказе на 20,4%. Резко возросло сопротивление крестьянства политике государства. В 1932 г. массовые выступления крестьянства увеличились в три раза, на Северном Кавказе – в четыре раза [5].

Начиная с 1930 г., ОГПУ сократило неприятную для сталинского руководства информацию. Тем не менее, отливы крестьян из колхозов вынудило ОГПУ возобновить систему информационных сводок с мест. В январе 1932 г. в сводке СПО ОГПУ о колхозном строительстве по данным на 15 января 1932 г. была изложена официальная версия противостояния крестьянства государ-

ственной политике. Вина возлагалась на низовые партийные организации, которые не смогли «своевременно выявить и разоблачить классового врага». В постановлении отмечались слабые темпы хлебозаготовок, уравниловка, поедочное распределение доходов, усиление рваческих тенденций и выход из колхозов. Все это использовали кулаки для усиления антиколхозной деятельности [6]. Если в целом в РСФСР в первой половине 1932 г. уровень коллективизации понизился на 3%, то на Северном Кавказе на 11% [7]. В ситуации резко обострившегося противостояния крестьянства и власти Сталин проводил политику лавирования. 26 марта 1932 г. ЦКВКП(б) принял постановление «О принудительном обобществлении скота». В нем было заявлено, что задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова, мелкий скот, птица. Местные власти не спешили возвращать скот и расценивали постановление как поворот влево, назад к НЭПу, отказ от коллективизации, восстановление частной торговли [5]. Наученное горьким опытом крестьянство не поверило этому постановлению. К марту-апрелю у большинства крестьян не оставалось хлебных запасов. По данным ОГПУ по Северному Кавказу на 1 апреля в 5 районах края зарегистрировано: смертей от голода – 6, опуханий – 6 случаев, употребление в пищу падали и суррогатов – 45 случаев, заболеваний 1,1 тысяча случаев, покушений на самоубийство – 2 случая, голодающих – 1869 человек. Это официальная статистика [6].

В мае 1932 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о хлебозаготовках. В нем колхозам предоставлялось право свободной продажи излишков после выполнения плана хлебозаготовок. Это был тактический ход. У крестьян просто не было хлеба, чтобы его можно было продать. В селе Боевка единоличница Марфа, выступая на общем собрании, говорила: «Зачем нам теперь рынок, когда торговать на нем можем только кошками да собаками, а все остальное у нас взяли?» [6]. Майские постановления не успокоили деревню. В сводке ОГПУ от 5 августа 1932 г. приводятся данные о крестьянских выступлениях за второй квартал 1932 г. Общее количество крестьянских выступлений увеличилось по стране с 576 до 1000. Причем, если в целом по стране количество терактов сократилось, то на Северном Кавказе и Закавказье увеличилось более чем в два раза [5]. В августе 1932 г. И.В. Сталин и его правительство перестает проводить политику заигрывания с крестьянством. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК принимают закон «Об охране иму-

щества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной социалистической собственности». Это печально известный закон о 5 колосках. Автором его был сам товарищ И.В. Сталин. За незначительные хищения социалистической собственности крестьянам давали минимум 10 лет сталинских лагерей или расстрел без права амнистии. «В сводке ОГПУ по Северному Кавказу, составленной в конце августа 1932 г., отмечалось, что в колхозе «Пролетарская диктатура» Краснодарского района группа объездчиков обнаружила на полях пятерых женщин, срезавших колосья пшеницы. Бдительные охранники дважды стреляли в них. Одна из женщин была смертельно ранена, оставшиеся в живых были отданы под суд. На полях колхозов было задержано несколько подростков, срезавших колосья» [5]. Между тем, карательные меры летом 1932 г. не приносили желаемого эффекта. План хлебозаготовок в июле-августе 1932 г. на Северном Кавказе был не выполнен. Хлеборобы Дона и Кубани при всем желании не могли выполнить план хлебозаготовок. Предполагалось, что в 1932 г. с каждого сектора удастся собрать 7,3 центнеров зерна. Но по сообщениям секретарей райкомов партии на Кубани, Дону и Ставрополье урожай колеблется от 1 до 6 центнеров с сектора, в целом по краю составил 3,97 центнеров.

В монографии Н.А. Ивницкого приводится интересный документ – заявление 20 единоличников Кропоткинского района. В нем говорилось: «Настоящим просим прокурора наше заявление рассмотреть, о том, что мы – группа единоличников, отмолотили свой хлеб и у нас не хватает выполнить план: Мирошников намолотил с га 1,72 центнера, а требуют 6 центнеров, Дулонина намолотила с га 1,72 центнера, а требуют 6. Мирошников намолотил с 2 га 7,31 центнеров, а требуют 14,7, Коширин намолотил с 1,5 га 7,22 центнера, требуют 9 центнеров и т.д. [7]. Первый секретарь Севера-Кавказского крайкома Б.Н. Шеболдаев обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой снизить план хлебозаготовок на 10-15 миллионов пудов [1]. Но Москва ничего не хотела слышать. Требовала выполнение нереального плана хлебозаготовок. Если августовский план хлебозаготовок был выполнен на 32%, сентябрьский – на 65%, то к 20 октября удалось заготовить 18 % намеченного к сдаче. Из спецсводки СПО ОГПУ о хлебозаготовках и настроениях в связи с проведением в русских районах Северо-Кавказского края по данным 18 сентября 1932 г. следует, что антихлебозаготовительные настроения охватили низовой партийный и

советский аппарат, колхозников и единоличников [6]. 22 октября 1932 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады полномочные комиссии под руководством В. М. Молотова на Украину и под руководством Л. М. Когановича – в Северо-Кавказский край» [1]. Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома Б.Н. Шеболдаев в конце октября 1932 г. отправился в Москву к Сталину. За три недели до описываемых событий Пленум ЦК ВКП(б) совместно с Президиумом ЦК ВКП(б) одобрил исключение из партии группы Рютина-Слепкого, именовавших себя «союзом марксистов ленинцев». Этот союз утверждал, что насильственная коллективизация, экспроприация деревни привела страну к кризису. 1 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о хлебозаготовках и о севе на Северном-Кавказе и решило включить в состав комиссии: А.И. Микояна (наркомат снабжения), Я.Б. Гомарника (Политуправление РКХА), М.Ф. Шкирятова (ЦК ВКП(б)), Г.Г. Ягоду (ОГПУ), А. В. Косарева (ЦК ВЛКСМ) [1].

Уже 2 ноября 1932 г. комиссия Л.М. Когановича собрала совещание секретарей сельских партийных организаций в Ростове-на-Дону. Профессор Осколков проанализировал стенограммы этого совещания и пришел к выводу, что «партийные низы разошлись с партийными верхами» [6]. Секретари сельских райкомов настаивали на снижении плана хлебозаготовок, прекращении репрессий по отношению к колхозникам и рядовым членам партии [5]. Коганович решил снизить план хлебозаготовок по краю на 20 миллионов пудов, но предупредил, что дальнейшее снижение невозможно, призвал зверски драться, а план выполнить [1]. 2 ноября 1932 г. газета «Молот» опубликовала постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О выполнении плана хлебозаготовок по Северо-Кавказскому краю». План хлебозаготовок был снижен на 9 миллионов пудов [1]. Но постановление требовало сломить кулацкий саботаж, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, для этого было необходимо досрочное взыскание долгов по кредитам и другим финансовым обязательствам, создание деревенского актива для борьбы с «антиобщественными элементами и коммунистами, сомкнувшимися с кулацкими организаторами контрреволюционного саботажа как с предателями рабочего класса». Этим же постановлением в крае была учреждена черная доска, куда заносились станицы за явный срыв хлебозаготовок. Жи-

телей станиц, предупреждали, о выселении за пределы края. Это постановление типично для сталинской эпохи. Еще в период чрезвычайщины 1928-1929 гг. сталинское руководство апробировало 2 основных метода воздействия на непокорную деревню. Это раскол деревни путем привлечения для реализации политики государства деревенских активистов и репрессий. Новым было применение репрессий не к отдельным гражданам, а к целым станицам.

Как же реагировала деревня на очередной виток репрессий? В спецсводке СПО ОГПУ № 6 о ходе хлебозаготовок к Северо-Кавказском крае на 7 декабря 1932 г. отмечался рост миграционных настроений: «из станицы Бейсучской Кореневского района в течение ноября выбыло (убежало) 321 единоличное хозяйство. Каждую ночь убегает несколько единоличников с семьями» [6]. Как только началось насилие над крестьянами в 1928-29 гг. в деревне возросли миграционные настроения. Но в 1932 г. И.В. Сталин решил перекрыть последнюю отдушину для измученного крестьянства. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР ввел постановление о введении в СССР паспортной системы для всех граждан за исключением крестьян [5]. 22 января 1933 г. секретная директива И.В. Сталина и В.М. Молотова о запрещении массового выезда в западные и центральные районы страны. Директива была написана собственноручно И.В. Сталиным (сохранился автограф). В директиве ОГПУ №50031 о пресечении массового выезда крестьян, подписанной заместителем председателя ОГПУ Ягодой, говорилось: «По имеющимся ОГПУ сведениям из Украины, Белоруссии и Северо-Кавказского края (Кубань) происходит массовый выезд крестьян. Совершенно несомненно, что этот выезд прямо организован остатками вскрытых нами эсеровских и петлюровских контрреволюционных организаций» [6]. Таким образом, по официальной версии бегство умирающих от голода крестьян расценивалось как происки эсеров. В этом же документе создавались кордоны на дорогах и узловых станциях. Тех, кому повезло убежать от голода, делили на две категории. Злостных контрреволюционеров заключать в концлагеря, «остальных водворять в места их жительства» [6]. Весь февраль ОГПУ сообщало о количестве задержанных беглых крестьян. 25 января 1933 г. Бюро Северо-Кавказского крайкома принимает постановление о прекращении продажи билетов крестьянам. 28 января дается указание об организации на крупнейших железнодорожных станциях 9 фильтрационных пунктов для выявления злостного контрреволюционного,

кулацкого и белогвардейского элемента [5]. И.Е. Зеленин по поводу январских решений партии и государства пишет: «Возникает вопрос, какими целями при этом руководствовался генсек – желанием наказать крестьян за италянку, попытку оставить без хлеба рабочих и красную армию или любой ценой взять хлеб в целях осуществления программы индустриализации, укрепления обороны страны?» [5]. По мнению И.Е. Зеленина имело место первое и второе. Конечно, И.В. Сталин стремился осуществить форсированную коллективизацию за счет крестьянства. Кроме того, И.В. Сталин не хотел видеть проблем деревни и обвинял крестьян в саботаже. И.В. Сталин писал М.А. Шолохову: «Уважаемые хлеборобы вашего района проводили италянку и не прочь были оставить Красную армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови) - этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую войну с советской властью воистину на измор, дорогой товарищ Шолохов» [8]. Эту же мысль И.В. Сталин высказал в январе 1933 г., оценивая ситуацию в деревне «как переход классового врага, прежде всего, кулачества, к новой тактике от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой» [5].

Выше уже говорилось о занесении на черную доску целых станиц. За два месяца хлебозаготовок на черную доску 15 станиц (13 Кубанских и 2 Донских). Л. Коганович пригрозил Кубанскому казачеству поголовным выселением [1]. 14 декабря 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области». В этом постановлении было решено выселить жителей станицы Полтавской на Северном Кавказе [1]. Этому решению предшествовала «Справка ОГПУ о предварительных результатах следствия по делу контрреволюционной организации в станице полтавской Славянского района Северо-Кавказского края от 25 ноября 1932 г». В документе говорилось, что жители села Полтавская, богатейшей станицы Кубани, всегда боролись против Советской власти, пропагандировали идею создания «Союза хлеборобов». Кулаки станицы Полтавская вступили в колхоз с целью вредительства [6]. 16 декабря 1932 г. крайком принял решение о выселении жителей станицы Полтавской за исключение героев гражданской войны и активистов борьбы с кулачеством [1]. В декабре-январе 1933 г. Северо-Кавказский крайком принял решение о выселении других станиц, занесенных на черную доску. В стани-

цах Полтавкой, Медведской и Урупской проживало 47,5 тысяч человек, из них было выслано 45,6 тысяч человек [1]. А всего по подсчетам профессора Осколкова к середине января было выслано не менее 63,5 тысяч человек. Причем, профессор Осколков отметил, что высланные станицы располагались в различных районах Краснодарского края, и высказал мнение, что это была акция устрашения колхозников и единоличников прилегающих районов [1]. И.Е. Зеленин выделил следующие акции И.В. Сталина, которые привели к голоду: «Закон 7 августа 1932г – детище вождя; его выступление на объединенном заседании политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. (некое теоретическое обоснование репрессий против всего крестьянства и одновременно программа действий – «ответить сокрушительным ударом»): постановление о паспортной системе от 27 декабря 1932г; и, наконец, зловещая директива от 22 января 1933г.»

Пик голода пришелся на зиму-весну 1933 г. Е.Н. Осколков писал: «Пик бедствий, связанных с голодом, пришелся на январь-апрель 1933 г. Из 75 районов голод охватил 44 района. В феврале 1933 г. бюро Северо-Кавказского крайкома было вынуждено признать в своих официальных решениях «факты прямого голодания в отдельных станицах» [1]. Красная армия состояла в этот период из детей крестьян и казаков. Поэтому органы ОГПУ контролировали переписку красноармейцев с семьями. В сборнике документов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» приведен интересный документ «Сводка выдержек из сообщений, идущих из СКК в части Красной Армии, за вторую половину февраля 1933 г». Документ начинается с сообщений об укрытии хлеба, а заканчивается сообщениями о случаях людоедства на почве голода. Наряду с жалобами на голод в письмах есть попытка анализа политики государства в деревни. «Ты спрашиваешь. По чему у нас дело плохо в отношении хлебозаготовок. Это потому, что у нас в колхозе почти все люди разбежались еще в 1932г, даже раньше, и работать некому, а план работ был большой, и пропало все на полях неубранное и необработанное, притом сильно ударили по крестьянству по выполнению всех компаний и сильно ударили по классовому врагу. А потом еще большой неурожай, а поэтому план заданий хлебозаготовок не выполняется, а наоборот, встречными увеличили и этим самым угробили крестьянство. Забрали весь хлеб, и сейчас в настоящее время люди голодные» [6]. С автором данного письма согласен

И.Е. Зеленин «Хлебозаготовка методами военного коммунизма – главная причина голода» [5].

Таким образом, главной причиной голода на Северном Кавказе, как и везде в России, стала сталинская политика хлебозаготовок, лишившая крестьян и казаков стимула к развитию производства. Сталинское руководство в первой половине 1932 г. проводило политику лавирования: постановление ЦК ВКП(б) о принудительном обобществлении скота в марте и майское 1932г. о хлебозаготовках – создавали иллюзию приверженности государства принципам НЭПа, рыночной экономики. Начиная с августа 1932 г., Сталин и его правительство переходит к открытым репрессиям: закон 7 августа 1932 г., постановление о паспортной системе от 27 декабря 1932 г., директива от 22 января 1933г. о запрещении массового выезда крестьян казаков в центральные районы страны. Уровень сопротивления сталинской аграрной политике на Северном Кавказе был выше, чем в других регионах страны. Но государству удалось расколоть деревню путем привлечения для реализации своей политики деревенских активистов. Особенностью сталинской политики на Северном Кавказе в этот период стало выселение целых станиц за пределы края. Численность выселенных крестьян и казаков сопоставима с количеством умерших от голода и репрессированных крестьян и казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осколков Е.Н.* Голод 1932-1933. Хлебозаготовки и голод 1932-1933 в Северо-Кавказском крае. Ростов-н/Д., 1991.
2. *Кондрашин В.В.* Голод 1932-1933 гг.: трагедия российской деревни. М., 2008.
3. *Кондрашин В.В., Пеннер Д.* Голод 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Солара, Пенза, 2002.
4. *Бондарев В.А.* Современная модернизация послеоктябрьской деревни. Ростов-н/Д., 2005,
5. *Зеленин И.Е.* Сталинская революция сверху после великого перелома 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.
6. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ–НКВД: документы и материалы 1918-1939. Т.3. 1930-1934. М., 2005.

7. *Ивницкий, Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне 1928-1933 гг. М., 2000.
8. *Хрущев Н.С.* Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. М, 1963.

*Южно-Российский государственный
университет экономики и сервиса*

26 мая 2010 г.
